

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

О СОБЛАЗНАХ

Записи в ЖЖ

“Нам очень хочется чего-то большого и чистого...”

Январь, 01–02, 2012

Меня мало волнуют выборы – не здесь решается наша судьба. Её надо строить, и строительство будет долгим, так что время для настоящих выборов ещё не пришло, и отвлекаться на эти выборы сейчас мне бы не хотелось. Но было бы жаль, если кто-то по глупости или из корысти превратит очередную выборную интригу в цепную реакцию обострения множества конфликтов, которыми пузырится наше болото, а то и доведёт этот процесс до катастрофы. Глупее в нашем положении ничего не придумаешь, а если это делается, чтобы сорвать начало строительства нового общества, то это затея испытанная, хотя для нас совсем не полезная.

Поэтому попробую сформулировать несколько тезисов. Что-то вам, может быть, покажется любопытным, но в целом, я думаю, это не понравится почти никому. Ведь все хотят, как лучше, а главное, чтобы честно, – разве может из этого выйти какая-нибудь глупость.

Считается бесспорным, что 4 декабря на выборах были подтасовки: “Единая Россия” хапнула себе лишнего – “украли наши голоса!”. Вопрос о подмене был поднят на уровень высших ценностей, так что сколько “украли”, уже стало неважно. Торг здесь неуместен! А может, и уместен, но мы не о нём. Исследуем проблему в принципе, во всей её чистоте. Тут-то и начинаются сомнения.

Вот самый неприятный вопрос: а кому в РФ нужны честные выборы (можно перечислить все социальные группы, начиная с благородных интеллигентов и студентов до профессиональных красавиц и гопников)?

Примем за аксиому, что “честность выборов” есть ценность, безусловно, положительная. Я уважаю Касьянова и Ксюшу Собчак за их приверженность этой ценности (хотя бы избирательно, в применении к Чурову). Говорят, правда, что со многими другими типами честности они ведут себя вольно. Ну, да ладно, а за эту честность – им *респект и уважуха*.

С другой стороны, ценности не плавают, как пельмени в кипятке, а встроены в системы. И тут возникает несуразица: почему целые толпы образованного народа, в общем, отвергая демократию, вдруг требуют: вынь да положи им честные выборы? Ведь эта “честность выборов” – маленькая деталь той ржавой инсталляции “Демократия”, которую мы поставили в Москве для вида. Не приняли и поломали эту машинку сначала Ельцин и вся его рать, а за-

тем, в условиях начавшейся *холодной гражданской войны*, и большинство населения. Рано, мол, нам. Мы — как начальство скажет...

Все всегда знали, что выборы — ритуал, спектакль, и равнодушно принимали обман, считая его мелочью, ибо не он решал исход нашей окопной войны. Сколько уж таких выборов прошло, и мало кто ими интересовался.

Вообще-то социальные противоречия в РФ, если взглянуть в преисподнюю, где мыкает горе половина населения, надо трактовать как *холодную гражданскую войну*. Но в такой ситуации “честные выборы” — нонсенс. Уже потому хотя бы, что мыкающая горе часть населения в основном на выборы не ходит.

Для примера приведу маленький рассказик о том, как решалась проблема “честности выборов” в крестьянской России, — именно в состоянии *холодной гражданской войны*. М. М. Пришвин, живя в деревне, записал ход таких выборных собраний после Февральской революции 1917 года. Выборы в комитет — дело важное, так как комитет, в отличие от совета, ведёт хозяйственные дела (и земельной собственности, и арендной платы). Кандидат — некто Мешков: “виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой — вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли”. Мешков — дезертир и вор. Но ведущий собрание дьякон находит довод:

— Его грех, товарищи, явный, а явный грех мучит больше тайного, все мы грешники!

И дал слово оправдаться самому Мешкову. Он сказал:

— Товарищи, я девять лет назад был судим, а теперь я оправдал себя политикой. По новому закону всё прощается!

— Верно! — сказали в толпе.

.....
— Благодарю вас, товарищи, — ответил Мешков, — теперь я посвящу вас, что есть избирательная урна. Это есть секретный вопрос, и совпадает с какой-нибудь тайной, эту самую тайну нужно вам нести очень тщательно и очень вежливо и даже под строгим караулом!

И призвал к выборам:

— Выбирайте, однако, только социалистов-революционеров, а которого если выберете из партии народной свободы, из буржуазов, то мы всё равно всё смешаем и всё сметём!”.

Нравится нам это или не нравится, но такая реальность возникает в иные периоды общественной истории.

Подойдем с другого края.

Хорошо было бы митингующим в Москве задать такой вопрос: государство коррумпировано, элита вообще не следует нормам права и морали — объедает страну и половину населения. Коррупция стала системообразующим фактором, без неё — никак. Какие же тут “честные выборы”? Как может предприятие “выборы” крутиться без системообразующего фактора? Это какой-то идеализм. Выборы — тип коррупции, по сравнению с другими почти безобидный, почему же именно к нему такая неприязнь? Чего только у нас не творилось — взять хоть приватизацию как всеобщее “ограбление народа”. Никаких митингов! Значит, не из-за фальсификации сыр-бор, хотя толпу на площади, возможно, в этом уверили.

На деле, думаю, всё множество разных причин недовольства, которые накопились у “среднего класса”, организаторы сумели “канализовать” в одну маленькую трубку, которая и выплюнула “всеобщее возмущение” несправедливыми выборами: “Украли наши голоса!”.

Опасен ли этот плевок? Многим он кажется мелким инцидентом, а на деле, при соблюдении некоторых условий, может стать зародышем урагана, как крылышко бабочки.

Ясно, что последние три года вся система РФ нестабильна, многое надо менять, и давно пора. Страна — на перепутье. Одни считают, что сдвиг надо производить в сторону восстановления хозяйства, а внутренняя политика должна быть социально ориентированной. “Перебрали” с изъятием куска хлеба у обедневшей половины населения, причём перебрали так сильно, что приходится только удивляться терпению людей. Другие — “романтики с большой дороги цивилизации”, — хотели бы сдвига в прямо противоположную сторону. А именно: расширить экономические свободы предпринимателей и завести для начала миллионов двадцать покладистых мигрантов. Полезно было

бы всем почитать их стратегические программы, но и этот гражданский долг мало кто выполняет. Вот эти-то романтики и заинтересованы в том, чтобы усмирить контролируемый хаос в мутной воде “подсчета голосов”. Технология отработанная, политологов, жаждающих заказов, тоже достаточно.

Подумали бы хоть студенты, толпящиеся на проспекте Сахарова: а чего они ждут от дестабилизации? Представьте, что некий Ангел заставил-таки власть провести новые, “честные” выборы, о которых мечтают немцы и лимоновы. Что было бы дальше? Шведский социализм? Наблюдая весь этот политический класс в течение 25 лет, могу почти с уверенностью сказать, что, прилети вдруг к нам такой Ангел, вся нынешняя государственная система, которая и так еле держится, рухнула бы в одночасье и без всякой революции. Хотите ли вы этого, обитатели дискотек и пассажиры чартерных рейсов? Думаете ли вы и теперь так же, как думали в 1991 году, что система рухнет, а всё остальное останется по-прежнему?

Неужели опыт революции XX века не научил вас, что даже мощные державы могут быть разрушены, если ткнуть их в нужное место? Если мы хотим иметь сильную страну, надо обращаться с ней осторожно. Захотелось выплеснуть негативные эмоции, хором обругав Путина и Чурова, – подумаешь, мелочь. И вдруг от такого баловства сходит лавина и накрывает город. Какая безответственность! Вы ставите под угрозу жизнеустройство страны, так подговите сначала силу, способную принять на свою спину этот груз. Так нет же ничего! Кого вы впряжете в эту полуразрушенную телегу – Ксюшу Собчак в паре с Лимоновым? Ах, как сказал поэт: “Не можно...”

Примечательно, что всё это они интуитивно понимают и потому отказываются сказать, какой результат они бы посчитали “честным” (точнее, хотели бы получить). Хотят ли они над собой власти Каспарова или Касьянова? Думаю, одной этой мысли все бы ужаснулись. Даже Зюганов – уж куда как честный и добрый человек, ни одного бюллетеня не присвоит – скорее, половину своих отдаст. А ведь многие сомневаются – справится ли он, такой нравственный, с нашей “тёмной энергией”? Знает ли он, как именно надо мочить в сортире хотя бы какого-нибудь доцента?

Подозреваю, что большинство “активных протестантов” желало бы продолжения власти Путина, но чтобы он никому не позволял заставить их затянуть пояса, а изыскал бы средства где-то вне креативного класса. Другие хотят на его место Медведева, а Путина – только пошантажировать. Думают они, что тогда им бросят ещё кусок мяса, вырезанного из той половинки населения, что без голоса сидит в “социальной тени” преисподней. Но надо же вникнуть в состояние, в каком пребывает эта молчаливая половина! Вот где требуется честность и мужество. И вот где зарождается корень настоящей угрозы для дутого благополучия!

Если студентов спросить, могут ли быть честными выборы при той структуре общества, которая сложилась у нас теперь, и при той степени всеобщей анонимии, в которую мы погрузились, они, пожалуй, и сами рассмеются, настолько нелепо это предположение.

Но существует и более фундаментальное препятствие. Реальных выборов не бывает при отсутствии принципиально разных стратегических программ. А программы ещё не вызрели – наш кризис слишком глубок и слишком плохо изучен. Многие формы нашей жизни пока условны, мы бредём, словно в тумане, по нашим порочным кругам, что ещё не свалились в пропасть. Что до выборов, то власть и “элиты” komponуют из разных групп “политиков”, заgrimированных слегка по-разному, псевдопарламент, где есть и коммунисты, и социал-демократы, а вот противных либералов мы туда не берём, их русский народ не любит. Пусть они в Высшей школе экономики и в правительстве сидят, стратегические программы пишут для России. Сейчас, в этом “переходном периоде”, Россия представляет собой типичное “общество спектакля”. Пока что этот спектакль удерживают в рамках жанра вялой бытовой драмы – и то это почти подвиг со стороны нашей власти.

Если бы реально собрали Думу по “голосам сердец”, спектакль стал бы страшным. Может, я вижу ситуацию слишком мрачной? Но тому есть множество примет. В РФ “честные” выборы без программ – это риск катастрофы без единого шанса выбраться.

Вот еще довод – философский, исходя из идей современного либерализма. Патриарх английских либералов Дж. Грей пишет о том, что считает самой

главной и трудной проблемой либеральной демократии: “Ценности, воплощённые в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несовместимыми... Когда эти ценности оказываются в конфликте или соперничестве друг с другом, нет ни общего критерия или принципа, ни общей “валюты” или системы измерения, позволяющих такой конфликт разрешить или рассудить”*.

Обращаюсь к либералам, вышедшим на проспект Сахарова (кто там у вас поумнее – послушайте и вдумайтесь; чтобы было понятнее, выражаюсь буквально словами Грея).

Российское общество пережило в 90-е годы тяжелую культурную травму и дезинтеграцию. У нас возник калейдоскоп “различных способов жизни и человеческой идентичности”. Мы попали в ситуацию, когда должны совместить две рационально несовместимые системы ценностей! Одна из них дорога (сегодня) вам, это – “честность выборов”. Другая – стабильность, жизненно необходимая миллионам, чтобы пережить грядущие и неизбежные трудности (кстати, особо необходима она большинству митингующих). Как пишет Грей, “эти ценности оказываются в конфликте или соперничестве друг с другом”.

Так прикиньте, какой ценой и страданиями будет оплачена ваша победа, если вы её добьётесь! При этом “нет ни общего критерия или принципа, ни общей “валюты” или системы измерения, позволяющих такой конфликт разрешить или рассудить” – только ваша совесть (или сила и мужество власти, которые в нынешнем положении России тоже таят большие риски, – ОБСЕ так и щёлкает зубами). И если вы действительно либералы, то никуда от этой дилеммы вам не деться. Прислушайтесь к Исайе Берлину, которого цитирует Грей: “Конфликт между несоизмеримыми ценностями возникает в самом сердце либерализма... содержится внутри самой идеи свободы”.

Конечно, мы далеко продвинулись в нашей демократии, теперь даже наши эсеры стали другими: сравните Мешкова и Сергея Миронова. Но нам срочно надо собираться не для того, чтобы митинговать, а для выработки национальной идеи – для обсуждения стратегии развития без монополии ИНСОРА и Мау с Кузьминовым.

Дело ведь не во власти (она, нехорошая, никак не слушает свой народ!), а именно в народе, который пока что не решил, чего он хочет. Иначе и революцию быстро бы соорудил, и её бы даже не заметили, потому что власть подчиняется большей силе, которую даже не требуется показывать. Сейчас такой силы нет, а есть противоречивые идеалы и интересы в одной голове. Это произошло не потому, что свергли советский строй, а советский строй потому и свергли, что народ развился до такого состояния, – подъехал к распутию и сидит, как витязь у придорожного камня.

Да, среди тех, кто приходит на площадь, поровну отрицающих воображаемую власть и Касьянова, и Немцова, и Каспарова, и Зюганова, и даже Ксюши Собчак. Но поскольку они – враги пока воображаемые, общим врагом для всех митингующих оказывается власть реальная. Но зачем её свергать и кого теперь сажать, они между собой не только не договорились, но даже и не подумали пока. А ведь *варягов* уже к нам на княжение не заманишь...

Не только о проекте устройства жизни не думают наши демонстранты (хотя бы в виде утопии), но даже и вопроса такого в голову им не приходит. “Мы хотим, чтобы нам было хорошо!” – вот и вся программа. Ничего себе революция! Как выразился один блогер, задача протестующих – “уничтожить весь нынешний правящий класс!” Умно. Сразу всё варенье съедим!

И ведь это и есть устойчивая установка, принимаемая как руководство к действию, только выражается она немного по-разному. В Ливии вот нашлись такие умники, но им *прогрессивное человечество* помогало. А наши на что надеются? Кстати, выложите штатную ведомость “правящего класса”: кого конкретно уничтожать-то будете? Почтальоны входят в его состав?

Выход из несоизмеримости ценностей можно найти, только ставя главные вопросы, которые население станет обдумывать по мере ухудшения своего положения. Тогда дело будут решать голоса всех избирателей, вместе с теми, кто сегодня остаётся в тени. Пусть все выложат свои идеалы и интересы

* Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003. С. 136, 139.

на вообще обозрение и обсуждение! Но для этого и надо выстроить все необходимые условия – вот за что надо бы идти на митинг!

Я думаю, на этом пути возьмут верх те, кто за восстановление хозяйства, – без дураков! И к ним примкнёт молодежь – не вся сразу, а шаг за шагом. Так я считаю, судя по настроению студентов.

Но эти вопросы надо сформулировать и хорошо обдумать. Когда будут выработаны основы честных программ, тогда и возникнут предпосылки для честных выборов.

Важные дополнения

Январь, 3, 2012

В этих наших новогодних разговорах я узнал много полезного, спасибо всем. Некоторые из “борцов” (можно так для краткости?) воспринимали мои реплики сердито. Прошу простить, обидеть, по-моему, никто никого не хотел. Говорили вообще о явлении социальном, а если затрагивали личности, то символические (типа Ксюши Собчак – это именно символ).

Ряд товарищей старались усилить имидж “борцов”, приписывая им намерения произвести антиолигархическую революцию или защитить КПРФ, “которая победила в Москве”. Это было приятно слышать – благородные помыслы. Но общей массовой картины это, по-моему, не меняет. По-прежнему мне представляется иллюзией убеждение многих, что они шли на митинг “не к Немцову и т. п.”. Конечно, не к Немцову, но “за Немцовым”. Он (в широком смысле слова) заказал и организовал эту вечеринку. Те же вожди КПРФ (как, к примеру, Смолин) простояли возле Немцова как бедные родственники и слова на митинге не получили.

Другие митинги, поменьше (КПРФ и Кургиняна), никаких основ, кажется, не сотрясали, и о них мы не говорим (да и власть они не обеспокоили). Но главное: никто внятно не сказал, чего “борцы”, осознавшие себя властью и народом, грозно требовали у “чиновников”. Требовать “честных выборов” – это понятно, это столь же конкретно, как и “Господи, помилуй!” Это обязательно надо время от времени говорить, и с этим мы все согласны.

Сердитых “борцов” я упрекну только в одном: они вступили в разговор, заранее считая своих оппонентов близорукими, не понимающими очевидных вещей или даже шкурниками. Помните, у Горького: “...робко прячет тело жирное в утесах...” Им на блюдечке революцию подают, а они боятся её откусать. Это неверное мнение, при таких посылах пользы от диалога не будет никакой. Мы тут пытаемся понять свои мотивы и мотивы другой стороны, ибо нам всем вместе предстоит жить в нашей стране и взаимодействовать друг с другом.

Я хочу высказать некоторые предположения, мнение о которых хотелось бы услышать. Они дополняют первое письмо и служат неуверенными ответами на вопросы многих участников.

1. Если не ошибаюсь, большинство “борцов” крайне негативно относятся к Путину. Они могут часами стоять под трибунами – иногда посвистывая, – с которых вещают Немцов и Каспаров, но появившись там Путин, они бы зарычали от возмущения. Примерно так? Соответственно, они возмущены (но цивилизованно) “охранителями”, которые такой антипатии к Путину не испытывают (точнее, не проявляют её открыто – не будем “читать в сердцах”!).

Действительно, здесь проходит рубеж, пока еле заметный, который при некоторых поворотах событий может послужить линией тяжёлого раскола (вспомнить Украину, не говоря уж о Ливии). Лучше было бы если не рационализировать, то хотя бы внятно выразить основания этих установок. Попробую объяснить, как я понимаю основания пропутинской или нейтральной к нему позиции (ясно, что речь идет об отношении в координатах спектра имеющихся у нас реально политиков).

Я сейчас говорю об отношении интегральном, интуитивном, без взвешивания параметров и индикаторов. Естественно, говорю не о моём личном отношении – мы тут все “мыслители о других”, о себе, хомячках, молчим...

Кто противостоит В. В. Путину в политике? Та часть гвардии перестройки и 90-х годов, которых он слегка (!) отодвинул от кормушки (об узнике совести Ходорковском не говорим, хотя его невидимые миру слёзы жгут сердца этой гвардии, не говоря уж обо *всём прогрессивном человечестве*. Здесь человек попал в передрягу, и это уже другая тема).

“Антипутинская партия” представлена самыми разными фигурами: от Горбачева с Яковлевым до молодых последних птенцов гнезда... Ельцина. Все они Путина ненавидят, все их слова о нём – как стрельба на поражение, уже никакой конструктивной критики он от них не получит. Что об этой гвардии думает большинство населения (и, как показывают исследования, успешно передаёт свои оценки детям)? Эту гвардию большинство ненавидит холодно и тяжело, беспросветно. Очень большая доля опрошенных даже отмечает: “с отвращением”. Это – болезненный осадок в массовом сознании, и мы влачим на себе это наследие, как гирию.

И вот Путина, которого большинство населения страны приняло с надеждами, увидев в нём антипода Ельцина, эта гвардия начинает ненавидеть примерно так же тяжело и беспросветно, как её ненавидит вышеозначенное большинство. Естественно, что большинство, даже ничего не зная о сути межпартийных свар в высших эшелонах политиков и олигархов, видит в Путине своего явного или скрытого союзника. И даже те вредные для большинства действия, которые Путин совершал и совершает как правитель, этого отношения не отменяют. Всегда находится объяснение: ему приходится так поступать, но в критический момент он нас поддержит, а мы поддержим его. Потому-то, мол, “эти” и беснуются.

Зачем я это говорю? Есть опасность, что “борцы”, пренебрегая этим фактором, навлекут на себя ненависть (или антипатию) большинства населения в статусе, как говорили раньше, “подкулачников”. С сожалением и даже состраданием, мол, “наши ведь ребята, а с кем снюхались”...

Если этот процесс будет развиваться, это будет огромная потеря для общества. Будет сорвана сборка того “нашего гражданского общества”, которому и придётся выработать национальный проект, создавать механизм давления на власть или совершать революцию (не “оранжевую”, а собственного замысла и изготвления).

2. Теперь об одной стороне кризиса, на которой столкнулись цели, намерения, ограничения и угрозы молодёжи, правительства, среднего класса, банков России, и много чего ещё.

Это мысли сырые, тем более что я не экономист, но и эта корявая модель может оказаться полезной. А может, кто-то её додумает, придаст ей товарный вид. Ельцин удерживал социальную ситуацию в условиях резкого спада производства, изымая средства отовсюду, откуда только можно, и закупая товары по импорту. Но Путин, придя к власти, стал резко наращивать народное потребление за счёт нефтедолларов и кредитов. Банки брали кредиты на Западе под залог акций промышленных предприятий, да с перебором (без обеспечения). На Западе тоже надували этот пузырь. И образ жизни нашего “среднего класса” резко изменился, идеологически это подкреплялось тем, что народ наш разошёлся в две совершенно разные социальные ниши. Всё это укрепило систему. Ударил кризис, и этот дутый рост благосостояния был прерван, и люди остались с непоплатенными долгами и привычкой жить в кредит. Какую часть промышленности “наши” собственники потеряли, отдавая долги, неизвестно. А у “среднего класса” – по-прежнему тревожные ожидания. Инвестиции малы, развития не предвидится, надо бы начать новый виток индустриализации, да кто её оплатит? Надо ремонтировать ЖКХ, а денег нет. Внешний долг 520 млрд тоже надо как-то отдавать*. Конечно, у нас не так шикавали, как в Греции или Испании, – не успели мы раскрутиться как следует. Но и такого провала, как у нас в 90-е годы, там не было.

Конечно, для “антипутинской” партии – это удачный момент, чтобы устроить смуту и свалить его (такие соблазны возникли во многих странах). А для большинства смута сейчас весьма не желательна. Это, товарищи “борцы”, тоже следует иметь в виду.

Ответ на вопрос

Январь, 9, 2012

Мне показался важным вопрос: как же можно оказывать на власть давление “снизу” в нынешней обстановке. Я кратко ответил так.

* К концу 2012 года он превысил 600 млрд долларов.

Для “давления снизу” существуют такие ресурсы. Главные вопросы “национальной повестки дни” власть вынуждена замалчивать, так как не может ни ставить их, ни на них отвечать. Если бы было налажено производство “манифестов” хорошего качества по главным вопросам, и они пошли бы по интернету, игнорировать их было бы очень трудно. Возник бы “плебисцит”, и надо было бы участвовать в обсуждении. Сдвиги и компромиссы в такой ситуации были бы оптимальным выходом для власти. Это то, чего испанцы с Социнтерном добились после смерти Франко даже без интернета – “круглыми столами”. Но они тогда были на подъёме и имели большую интеллектуальную поддержку в Европе. Но и у нас это можно было бы начать – публика готова.

Тут важны такие условия, которые власть, конечно, может сильно ухудшить, хотя в перспективе это было бы глупо (если, впрочем, к этому не принудят “тёмные силы”):

– Выработка такого “катехизиса России” – даже в виде заготовки – требует наличия нового сообщества обществоведов, хотя бы небольшого, но организованного и имеющего свою платформу; на втором этапе его будут подпитывать сами оппоненты. Чтобы создать его “зародыш”, нужны силы и некоторые средства. Работа есть работа.

– Создание трактатов – “манифестов” – по главным пунктам “катехизиса” – это уже очень серьёзная работа. Плохие тексты загубят дело, если не будет ядра, состоящего из хороших. Хороший текст требует досуга. Раньше как-то по тюрьмам и ссылкам устраивались, а то и за границей. Сейчас это нереально (в смысле написать хороший текст в тюрьме). Такое создаётся ощущение.

– Требуется собрать контингент людей, которые в обстановке тотальной анонимии не сдвинулись, как бывало со многими борцами за народное дело, к тупиковым установкам, а именно:

не впали в ретритизм (стремление к хотя бы маленькому успеху при тайном отрицании ценностей официального общества);

не впали в *ressentiment* (смешанное чувство ненависти, злобы и враждебности по отношению к официальному обществу);

не впали в конформизм “стяжательства большого общества” (имитация следования нормам официального общества при реальном их нарушении).

Иными словами, нужно собрать в сеть людей, которые отвечают на аномию мятежом (это условное понятие социологии). Определение мятежа берём у Мертона: “Мятеж как реакция приспособления возникает, когда существующая система представляется препятствием на пути достижения целей, признанных законными. Для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести её в новые социальные слои, обладающие новым мифом. Функция мифа заключается в определении социально-структурного источника массовых разочарований и в изображении альтернативной структуры, которая не должна привести к разочарованию достойных. Таков устав деятельности” мятежников.

Иными словами, мятеж – это выработка проекта благой жизни, который будет принят достойными (“народом”). Это и будет “катехизис + манифесты”.

Достойных и дееспособных много, но они рассеяны, как солдаты разбитого полка в отступлении.

Надо собираться, а не лаяться в интернете по мелочам.

Соблазн “честных выборов”

Февраль, 07, 2012

И “правые”, и “левые”, и даже “националисты” сошлись в требовании *честных выборов*. Это стало столь всеобщим и обязательным, что никто не решается даже высказать сомнение в их надобности. А ведь это требование предельно странное, как будто люди перестали вдруг соображать и идут за блуждающим огоньком. Магия слов или атрофия скептического разума?

Мы стали народом-лицедеем: играем роли, произносим чужие слова, но ведь надо вечером стереть грим, переодеться в своё потрепанное платье и вернуться домой.

Ясно, что у населения накопилось недовольство по принципиальным вопросам общественной жизни, но по разным в разных группах. “Креативный

класс”, перспективы которого сумрачны, прильнул к нашей “демократической буржуазии”, которую потеснили у кормушки “силовики и бюрократы”. Он в том же беспокоестве пошёл на Болотную площадь требовать честных выборов. Это — средство компенсировать фрустрацию, хотя реально нет никаких надежд на то, что эта “буржуазия”, победив Путина, поделится с нашей “креативной” офисной молодёжью.

Другая часть общества — большинство, но организованное гораздо хуже, — считает, что “силовики и бюрократы” у власти есть всё же меньшее зло, чем “буржуазия”, показавшая свой людоедский оскал в 90-е годы. Люди этой части общества пошли на Поклонную гору. И вот абсурд — главный лозунг и на их трибуне: “За честные выборы!”

Зачем этот лозунг? При чём он здесь? Кто хочет украсть голоса на выборах в марте и в чью пользу? Почему прямо не сказать, что это — митинг сопротивления попытке реванша лихих 90-х? Митинг в защиту меньшего зла, поскольку и ему понадобилась защита, и защитить его — в интересах большинства. А ведь этот лозунг — признание того, что выборы в Госдуму были нечестными, он — прямое обвинение Путину. Но разве в этом сейчас “суть времени”? Разве десяток-другой мест в Госдуме сейчас важнее угрозы резкой дестабилизации всей государственной системы, которая и так дышит на ладан? Этот лозунг дезориентирует людей и парализует их действия.

И ладно бы, если бы этот лозунг на обоих митингах был маской, ритуальным прикрытием истинных целей, как у ораторов на трибунах. Так нет же, массы людей в него действительно верят и о нём напряженно думают. Как легко их отвели от главного, от того, что происходит на их глазах!

Подойдём к вопросу с разных сторон. Итак, зовут на баррикады — ради “честных выборов” (прямо как в Сирии: “Долой президента из алавитов!”).

Часть 1. Возможны ли честные выборы в том состоянии общества, в котором оно пребывает в России?

Назовём лишь три признака этого состояния.

Во-первых, политическая система России коррумпирована настолько, что “коррупция стала системообразующей”. В этом уверены почти все, но слово “забывают” об этом. Конечно, в таком образе коррупции есть преувеличение, хотя бы в том, что коррупция якобы гнездится “наверху”. На деле она проросла во все слои общества и процветает там в разных формах. Мы даже не замечаем множества её проявлений, и правильно делаем — иначе выжить невозможно. Мы не робинзоны — ни острова, ни Пятницы у нас нет, — а потому, вольно или невольно, соучаствуем в коррупции. Но как в этих условиях может возникнуть и уцелеть такое большое и важное предприятие, как “честные выборы”? Ведь тут на кону ценности покрупнее, чем в банках. Почему же везде коррупция, а тут её не будет?

Принимать коррупцию как норму, пусть даже ворча, и требовать “в порядке исключения” честности именно в выборах — немыслимая наивность. Или какая-то немыслимая манипуляция, циничное двоемыслие. При этом упор делают на подтасовке при подсчёте голосов (трудно измерить её величину, но не она решает дело). Выборы — это не опускание бумажки в урну, это — обдумывание и обсуждение программ, альтернативных векторов развития страны.

На деле партии или кандидаты, идущие на выборы, не могут внятно изложить свои программы. Их спокойное рассудительное объяснение заменено скандальными шоу с циничным посредником-краснобаем, который формирует тематику и сравнивает выступающих между собой. Это профанация выборного процесса, которая целенаправленно искажает образ кандидатов (хотя и качество их программ оставляет желать лучшего, во многом из-за деформации массового сознания под влиянием СМИ, которые не устают им, сознанием масс, манипулировать). Но эту фундаментальную нечестность выборов как будто не замечают ни “правые”, ни “левые”.

Особенно удивляют националисты: они легко называют политический режим России “оккупационным” и тут же возмущаются тем, что “выборы нечестные”! И эти несовместимые образы у них прекрасно уживаются! Представляете — идет отряд партизан Ковпака, а на знамени у него: “За честные выборы!”

Во-вторых, в России произошло глубокое и тотальное отчуждение населения от власти. Ведь половина избирателей вообще не участвует в выборах — их разными способами отвратили от этой операции. Уже поэтому выборы нельзя считать честными, но и на это никто не обращает внимания — “средний

класс” принял “правила игры” такой демократии. Но и те, кто всё же приходит на выборы, голосуют в состоянии стресса.

Вот выходы из доклада “Двадцать лет реформ глазами россиян” (Институт социологии РАН. М., 2011): “Самое распространённое по частоте его переживания – чувство **несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г <ода> хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто... На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системе общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы...*

В первую очередь в этой связи стоит упомянуть **чувство стыда за нынешнее состояние своей страны**. Стыд за страну... связан с отрицанием сложившегося в России “порядка вещей”, “правил игры” и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными... *Новой тенденцией последних лет является при этом практически полное исчезновение связи чувства стыда за свою страну и всего блока негативных чувств с доходом – если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодоходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учётом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали, прежде всего, из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти. При этом в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает”.*

Ну, как может в этих условиях разумная власть допустить честные выборы? Люди переживают сильнейший стресс, их недовольство и отчаяние канализированы именно на власть, которая предстаёт в массовом сознании как “коллективный враг народа”. В таком состоянии сами граждане не могут выступить как разумные и расчётливые избиратели. Часто люди признаются: “Я голосовал за... но с отвращением”. Ничего себе честные выборы!

Строго говоря, на основании такого доклада главной социологической службы следовало бы принять решение об отсрочке выборов, но это уже было невозможно, да и Хиллари Клинтон не разрешила бы. Но и устраивать спектакль честных выборов, которые неизбежно привели бы к резкому обострению всех противоречий в обществе, было бы безответственно. Повторять опыт октября 1993 года?

В-третьих, общество поражено *аномией* – социальной и культурной болезнью, приводящей к “безнормности” (отходу от нравственных и правовых норм), разрыву общественных связей и утрате чувства ответственности (тип аварий и катастроф последних лет это хорошо показывает). Эта болезнь поразила все слои и общины, но всё же мало-мальски организованным остался госаппарат, его кое-как восстановили “силовики и бюрократы”. Но в тени действует едва ли не более организованная сила – преступные сообщества. Наше положение отягощено особенностями порождённой 90-ми годами аномии. Социолог-криминалист В. В. Кривошеев определяет её так: “Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности... *Криминализация общества – это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия”.*

Как в этом состоянии обеспечить честные выборы? Да, избыточное участие государства ведёт к некоторому сдвигу результатов в пользу власти. Но ведь у нас нет гражданского общества, которое на Западе выполняет контролирующие функции. Его там выращивали 300 лет, а у нас уже и надежды утрачены на его возникновение – нет у нашей “буржуазии” протестантской этики. Кто же возьмет под свою крышу и под своё руководство избирательные

комиссии, если отогнать от них “силовиков и бюрократов”? Именно преступные группировки — уже отвязанные от “силовиков”. РФ в плоскости выборов станет одной большой Кущёвкой. То-то будут довольны честные наблюдатели, которые возмущались грубостью функционеров “Единой России”. Их для начала вилами поколют. И ведь трудно этого не понять!

Но самое главное — в другом.

Часть 2. Выборы в обществах “переходного типа”

После возникновения “современного Запада” как мощной агрессивной цивилизации, которая, как акула, может существовать только в непрерывном движении, все незападные общества и культуры были вынуждены модернизироваться — или превратиться в колонии, а многие из них были попросту уничтожены. Традиционные общества впали в перманентный кризис модернизации, который по-разному развивался в разных культурах. Везде происходил раскол на “западников” и “почвенников”, а культура становилась синкретической, что отразилось на всех общественных институтах. Поскольку вполне западными они стать не могут, а Запад в ряде сфер их пока опережает, модернизация не может быть завершена, и все эти страны и народы живут в нескончаемом “переходном состоянии”.

Одним из западных институтов, который стал для таких обществ настоящей миной, являются выборы западного типа — тайные и равные (“один человек — один голос”). На самом Западе эти выборы вводили постепенно, по мере укрепления и государства, и гражданского общества — со многими цензами и ограничениями, с мощным воздействием СМИ, так что бедная треть населения вообще на выборы не ходит. А главное, там сложился средний класс в размере 2/3 населения, он разделен почти пополам, и каждая половина голосует за одну из партий, различия между которыми микроскопические. Они чередуются у власти, и общество идет галсами, как парусник, в целом не отклоняясь от курса. Никакого смысла фальсифицировать выборы там нет, поочередно уходить каждой партии от власти даже необходимо, чтобы “зафиксировать прибыль”. Да и опасно чиновнику фальсифицировать результаты выборов, так как смена партий у власти вполне вероятна.

Но в традиционных обществах этих условий нет, в них ценность единства гораздо выше ценности конкуренции. Такие общества тяготеют к власти идеократической и долговременной, к одной главной партии (если они там есть). Появление конкурентов на выборах вызывает беспокойство, а затем и раскол. Сами многопартийные выборы приводят к тяжелому кризису в политической жизни государства. Поэтому в формат выборов вводят модификации, и они с точки зрения западной демократии становятся “нечестными”.

Антропологи изучали это явление. Леви-Стросс пишет в “Структурной антропологии”: “Важно отметить, что почти во всех абсолютно обществах, называемых “примитивными”, немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальная консолидация и доброе взаимопонимание между членами группы считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения. Иногда дело доходит до того — и это наблюдается в разных районах мира, — что обсуждение решения предваряется инсценировкой боя, во время которого гасятся старые неприязни. К голосованию приступают лишь тогда, когда освежённая и духовно обновлённая группа создала внутри себя условия для гарантированного единогласного востума”.

О нашем опыте скажем ниже, а вот исследования последних десятилетий. Антропологи видят в спектакле выборов перенесённый в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся избиратели. С. Тамбия, изучавший этнические конфликты, вызванные выборами, пишет: “Идея театрализованного государства, перенесённая и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы — это спектакли соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию...”

Процессии как публичные зрелища проходят в окружении “медленных толп” зрителей. Эксгибиционизм с одной стороны и восхищающаяся аудитория зрителей – с другой, являются взаимосвязанными компонентами спектакля. Митинги завершаются публичными речами на открытых пространствах. Центральным элементом массового ораторства является энергичная декламация стереотипных высказываний с готовыми формулировками, сдобренными мифически-историческими ссылками, напыщенным хвостовством, групповой диффамацией, грубыми оскорблениями и измышлениями против оппонентов. Эти речи передаются и усиливаются до рвущего барабанные перепонки звука с помощью средств массовой информации – микрофонов, громкоговорителей, современной теле- и видеоаппаратуры. Этот тип шумной пропаганды эффективно содействует “демонизации” врага и появлению чувства всемогущества и правоты у участников как представителей этнической группы или расы. . .

В ходе подробного исследования, которое я в настоящее время веду по теме недавних этнических беспорядков в Южной Азии, я всё более утверждаюсь во мнении, что то, как организуются политические выборы и события, происходящие до, во время и после выборов, можно в известной степени обозначить через понятие ритуализации коллективного насилия”.

В Африке это – типичный исход выборов, где-то в Азии научились договариваться. А что осталось бы от Китая, если бы правители разделили свою партию, как КПСС, на несколько, и устроили честные выборы? Но они ещё не забыли опыт гражданской войны с родственной партией Гоминдан.

У нас сейчас до “ритуализации коллективного насилия” во время и после выборов пока не дошло, но по тому, как рычали ораторы на митингах и как орут они на телевидении, видно, что мы идём по этой дорожке. Мы свою историю, в отличие от китайцев, забываем быстро.

Давайте вспомним. В 1905 году царь согласился на демократизацию, провёл “честные выборы”. Даже при урезанных избирательных правах, четырехступенчатых выборах для крестьян, бойкоте большевиков, эсеров и многих крестьянских и национальных партий 30% депутатов оказались крестьянами и рабочими. Но правительство не смогло вести с Думой диалог – и распустило первую Думу всего через 72 дня её работы. Выбрали новую Думу – и снова разногласия, после чего выборы стали совсем “нечестными”. И все равно Дума превратилась в штаб революции – Февральской.

После Февраля сразу стали готовить выборы в Учредительное собрание. После Октября его выбрали по старым спискам, но ситуация уже изменилась, советская власть утвердилась. Учредительное собрание не признало декреты советской власти – и его распустили. Никто не охнул, но именно его депутаты, социалисты-революционеры, и начали гражданскую войну, опираясь на иностранную интервенцию – войну социалистов против социалистов.

СССР продержался 70 лет, создав особую конструкцию выборного процесса “без выбора”: пришел, значит, “за”. Но в 1989 году началась демократизация общества, и устроили “честные выборы”. Воздвигли вавилонскую башню Съезда народных депутатов, и за два года развалили СССР, а потом в России началась гражданская война в виде “шоковой терапии”, которая в 1993-м завершилась расстрелом Дома советов. В 1996 году выборы были очевидно сфальсифицированы, но никто не пикнул и не потребовал “честных выборов”. Зюганов первым поздравил Ельцина с победой. И правильно сделал, потому что тогдашняя президентская рать была в силе и начала бы большое кровопускание. Кстати, нынешние пожилые “оранжевые”, вероятно, тогда оказались бы в первых рядах карателей. Давайте сегодня задумаемся: надо ли было тогда начинать братоубийство ради “честности” тех выборов?

Я думаю, это было бы бессмысленно, и не только потому, что жалко людей, а из-за неготовности оппозиции взять на себя бремя власти при отсутствии реалистичного проекта и организации.

В общем, в настоящее время российское общество находится в “переходном состоянии”, и главная задача оппозиции – выработать новые способы оказывать давление на власть, чтобы заставить её подвинуться на решение задач национальной безопасности в интересах страны и большинства. Для этого надо преодолевать аномию, изучать реальную структуру общества и налаживать диалог с консолидирующимися социокультурными сообществами с помощью современных информационных средств.

Если уж придётся свергать эту власть, надо быть к этому готовыми и теоретически, и организационно, и в кадровом отношении, а не пользоваться “оранжевым” тараном, чтобы потом сразу сдуться и посадить нам на шею очредного Чубайса.

О революции

Февраль, 10, 2012

После двух заметок, которые коснулись митингов, ряд товарищей огорчились или возмутились, зачем я их отговариваю от революции. Они бы, мол, могли образовать “исторический блок” со своими противниками (“Немцовым и Ко”) и свергнуть надоевшего всем Путина. Революция – праздник угнетённых! Зачем этот СГКМ омрачает им праздник или хотя бы мечты о нём?..

Понимаю, что нехорошо каркать, когда люди грезят наяву. Правильно кто-то объяснил, что это во мне бушует старческая зависть и страх перед переменами. Есть такое свойство у стариков. Но у меня к нему много чего ещё примешивается.

Во-первых, “страх перед переменами” – вообще необходимое свойство разумного человека, даже ребёнка. Перемены означают неопределённость, а она с большой вероятностью таит в себе опасность. Этот страх отвлекает человека от грёз наяву и заставляет беспристрастно изучать зону неопределённости. На фронте для этого существует разведка – почти неизбежно с большими потерями она идёт в тыл врага не для того, чтобы уничтожить его, а чтобы получить достоверное знание, позволяющее предвидеть будущее.

Этого знания, как правило, не хватает, и его приходится дополнять логическим анализом. Я написал два аналитических текста, опираясь на знание, которое набирал в течение 20 лет. Молодые люди, у которых кипит разум возмущённый, на логические доводы не ответили и, простите, знания свои не обнаружили. Они даже не сформулировали, в чём и как могла бы выразиться их победа. А ведь постороннему невозможно представить себе этот “образ будущего”.

Во-вторых, сама идея союза с “оранжевыми” шита белыми нитками. Мы, мол, “на плечах буржуазии придём к власти”. Что за странная идея, право! Раньше говорили: “Пролетариат борется, буржуазия крадёт к власти”, – а теперь решили, наконец, перехитрить и буржуазию. Не вяжутся концы с концами. Если вы, “красная молодежь”, идёте на митинг “норковых шуб” и придаёте ему видимость “народного протеста”, то на какое отношение к вам большинства населения вы можете рассчитывать? “Элита” этого митинга – маргинальная группа, остатки ельцинской группировки. Они населением отвергнуты, какие бы песни сейчас ни пели. Их сила – в деньгах олигархов и в посольстве США в Москве. Зачем лезть в их чужую и враждебную вам революцию? Зачем помогать им свергать Путина, за которого, как за соломинку, держится минимум половина населения? По-моему, глупее не придумаешь.

Советы и большевики за два месяца до своей революции спасали Керенского от мятежа Корнилова. А ведь Корнилов вовсе не собирался восстанавливать монархию. Почему бы Советам было с ним не соединиться? Потому что это было бы глупо. А ведь Корнилов был ближе Советам, чем Немцов, – в состав правительства, которое он должен был возглавить, входил Плеханов, отец русского марксизма.

Я связываю будущее России и всего постсоветского пепелища с революцией. Но эта революция – не с Чапаевым. Если она будет нормально подготовлена, её вообще не заметят, она будет гораздо мягче, чем у Лукашенко в Белоруссии. Все ресурсы для неё уже есть, её примет 99% населения нашей страны. Время работает на неё, и уже выросло дееспособное поколение, которое выходит на арену общественной жизни. Так зачем устраивать “выкидыш” этой революции? Не хочется работать для её созревания?

Еще о готовности левых патриотов

Февраль, 12, 2012

Они сердятся, когда им говорят, что “свержение власти” при неготовности самим принять на себя её груз, – безобразие. Что, послужив чужому дяде

в качестве бульдозера, они посадят нам на шею власть гораздо более разрушительную и энергичную, чем нынешняя.

Ну, так предьявите свои рациональные доводы, речь же идёт об огромной угрозе для мирного населения. Какие ресурсы вы мобилизуете, чтобы “овладеть реальностью”? Нынешнее положение не имеет никакого подобия с 1917 годом. Тогда Россию держал культурно-исторический тип, огромное трудолюбие, и была она на духовном и культурном подъёме. Она была организована в общины с очень высоким уровнем координации. Её авангард – армия в 15 млн человек – три года в боевой обстановке оттачивала своё мастерство и план действий. Её интеллигенция напряженно трудилась, отрабатывая язык и логику – в тюрьмах и в эмиграции, в Академии наук и на заводах, а не на пляже или в офисе.

Сейчас в интернете сложилось много ячеек мысли и диалога, они работают, но россypью, не соединившись в систему, поскольку ещё не успели. Их продукт этот пока ещё очень сырой, идеи – невызревшие, язык – тусклый. Никакой конкретной проблемы никто сформулировать и доработать до “товарного вида” не может – нет ни времени, ни спроса. На публику, даже предвыборную, их вожди выходят с маниловскими фантазиями.

Если бы всерьёз они пошли с Ксюшей Собчак свергать власть, то потом их, как мавра, сделавшего своё дело, отправили бы на конюшню (а Ксюша, может быть, и стала бы президентом при теновом опекуне).

Аргумент “надо же что-то делать” не годится. Если у кого-то есть средства работать на будущее полный рабочий день, надо скоординироваться и выработать реальный проект, адекватный нашему текущему моменту, а не 1917 году. Пока для этого есть время и терпимость власти.

Охладить реактор, или “Не пора ли вам освежиться?”

Февраль, 26, 2012

Опять норвят “двумя руками” сломать шею стране. Уже и в гражданскую войну начали играть, прямо как *Тимур и его команда*, спасавшие народ от Мишки Квакина.

Устроив митинг “За честные выборы (и против Путина)”, всенародно назвали митинг с точно таким же лозунгом, но собравшийся на другой улице, “врагами”. Тутси против хуту!

Вот вчера попала мне в руки листовка – шедевр экспериментального творчества. Надо, наверно, её петь на мотив популярной песенки:

*— Что там за люди такие? — А просто враги.
— Просто враги, вы уверены? — Да, я уверен...”*

А ниже – портретики Гитлера и дяди Сэма с надписью: “Вот этим нужна твоя помощь. Пойдёшь на “оранжевый” митинг?”

А на обороте – плакат “Родина-мать зовёт!” с такой идентификацией: “Мы с Сергеем Кургиняном... За Родину, за народ, против власти и против “оранжевых”...”

Если бы я был Маяковский, я бы сказал: “Вы что, товарищи, белены объелись?”

А может, это чёрный пиар, и листовка отпечатана в ЦРУ и привезена на подводной лодке? Неужели докатились?..

Вы хоть читаете то, что издаёте? Ведь концы с концами не сходятся – и это вы несёте людям, вербуя себе сторонников среди них. “За народ, против власти...”

Вот, рядышком, два суждения: “Никогда больше мы не отдадим страну в руки врагов и предателей... Россия – наша страна, мы в ней хозяева”.

Товарищи хозяева, когда же вы успели вырвать страну “из рук врагов и предателей”? И почему вы, хозяева, так плохо здесь хозяйничаете? Вы, похоже, бредите наяву.

Что вы пишете о мотивации тех, кто был на Болотной площади? Вчитайтесь: “Они хотят нас грабить под прикрытием Запада, хотят стать полициями при оккупационном режиме – не зря они цепляют белую повязку на рукав! – хотят забрать власть у одних воров и передать другим”. Это, откровенно говоря, свинство, уж не сердитесь. Да и глупо это.

А неделю назад я видел очень похожую листовку, но ещё круче: на плакате юноша со злобно искажённым лицом бежит прямо на вас с голыми руками, и надпись: “На нас идут оранжевые собаки!”

Это уже ни в какие ворота не лезет! Кого вы называете собаками? Таких же студентов и инженеров, которые собрались на соседней улице! Да у них точно такая же каша в голове, как и у вас, различия совсем незначительны, не воображайте. Все мы контужены, но надо же знать меру... У них точно такие же причины куда-то идти вместе, что-то кричать и свистеть. Потому что за двадцать лет – весь срок их жизни! – она зашла в тупик, а десять последних лет в тупик их вела нынешняя власть. Вела по многим непреодолимым причинам – из коридора 90-х выбраться трудно, подходящей дыры там нет.

И выходит, что и оба *альтермитинга* ведут их в тупик, уже безвыходный. Обе родственные группы внемяют, как их вожди с трибуны внушают им самознание смертельных врагов. Ни на одной трибуне не говорят о том, как выйти из тупика! Только патетические заклинания.

Какой провал рациональности, этики и эстетики! В 1918 году сорвались в гражданскую войну – культура не созрела до революции. Интеллигенция грезила наяву и начала битву призраков, в которой разум отключается. Дорого мы заплатили за этот урок! И вот, когда он мог бы быть освоен, – нам устраивают спектакль новой гражданской войны.

Вот это и есть творческая помощь дяде Сэму!

Пессимистическая гипотеза

Май, 18, 2012

Во многих комментариях явно, а в других – неявно, высказывалась мысль о том, что наше спасение – в восстановлении нравственности, выработанной на основе Православия. Более того, многие убеждены, что дело даже не нравственности, а в вере, в восстановлении религиозной картины мира и мистической связи личности с Богом (в основном, в лоне Православия, но это детали, вопрос ставится в общем виде).

Эта стратегическая мысль пока не опускается на уровень практических задач, например, по выработке социальных и культурных механизмов восстановления религиозной картины мира в индустриальном (и частично постиндустриальном) обществе; обращении в веру массы людей, в нескольких поколениях воспитанных образованием, основанным на научной (секулярной) картине мира. Это задачи, очевидно, очень сложные, а без их решения вся эта доктрина вырождается в попытку создания новой секты – отшельников.

Но сейчас речь идёт не о практическом выполнении этих задач, надо сначала окинуть взглядом наше и прилегающее пространство с точки зрения этой доктрины. Вот что я вижу и вот какую могу предложить гипотезу.

Религиозная вера понесла большие потери, начиная с эпохи Просвещения и развития промышленной цивилизации. Однако инерция мировоззрения и, особенно, нравственности, корнями уходившая в религиозную рациональность, оказалась очень велика. Они прижились и на почве научной картины мира и выполняли важную социальную и культурную функцию.

Скажу даже, хотя это многих возмутит, что жизнь религиозной нравственности была продлена благодаря русской революции и СССР. Советский проект (представление о *благой жизни*) вырабатывался, а Советский Союз строился людьми, которые находились в состоянии *религиозного подъёма*. В разных формах многие мыслители Запада, современники русской революции, высказывали такое утверждение: Запад того времени уже был безрелигиозен, а Советская Россия – глубоко религиозна. Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: “Ленинизм – странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разные уголки своей души, – религии и бизнеса”. Позже немецкий историк В. Шубарт в книге “Европа и душа Востока” (1938) писал: “Дефицит религиозности даже в религиозных системах – признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе – признак советской России”.

Уже говорилось, что в ходе индустриализации и урбанизации СССР погрузился в мировоззренческий кризис: унаследованные от традиционного общества крестьянской России идеократические ценности и нравственность не

удалось облечь в новые слова и образы и передать послевоенным поколениям. СССР рухнул потому, что православная этика большинства населения, прикрытая “тонкой плёнкой европейских идей” (Ортега-и-Гассет), исчерпала свой потенциал без подпитки новыми интеллектуальными и эстетическими инструментами, она была недостаточна.

Ведь мощное (даже безумное) наступление на христианскую идею равенства (в карикатурном образе “уравниловки”), начатое в 70-е годы в кругах интеллигенции и охватившее “широкие народные массы”, делегитимировало главные основания советского строя. Социальный порядок постсоветской России – торжествующее безбожное мракобесие. Размеры социального “дна”, то есть общности совершенно обездоленных, в середине 2000-х годов достигали 15–17 млн человек, но благополучная половина населения этого не замечала. Еще в 1989–1990 годах, когда мы начали выезжать на Запад, нас поражало даже не столько зрелище бездомных и нищих, сколько абсолютное равнодушие к ним благополучных жителей европейских стран. Но мы сами через 5–7 лет провалились гораздо глубже. А кого сейчас волнует безысходное бедствие деревни?

Церковь окормляет души людей строго по “госстандарту” – готовит к неизбежной встрече со смертью, отпускает грехи, примиряет с земными печальми. Проблема дехристианизации социального порядка она не затрагивает.

Есть ли надежда, что “заграница нам поможет”? У меня такой надежды нет, тамошние мыслители (из консерваторов) еще с 1989 году предупреждали: “Если СССР падёт, то Запад оскотинится”. Тогда это туманное предвидение понималось в политическом смысле, свидетельством стала, как полагали, “война в Заливе” и характер празднования “победы” в этой войне в США.

Но это были цветочки... Запад оскотинился в том смысле, что произошла его глубокая и почти молниеносная дехристианизация, причем синхронная с похоронами Просвещения. Универсальные ценности и нормы как корова языком слизала. От гражданского общества остались рожки да ножки, социал-демократы выполняют жёсткие неолиберальные программы, двухпартийная система называется *ambi-dextra* – “двоеправая”.

К чему я клоню? К тому, что кризис – всеобщий, и он пока на подъёме. Все хорошие и даже сомнительные идеи нам надо собирать и фиксировать, не пререкаясь между собой. И в то же время не придавать нашим, даже любимым, идеям ранга панацеи. Надо стабилизировать сознание, чтобы остаться на плаву, но пытаться охватить мысленно всю большую систему этого кризиса, прокручивать её в уме, чтобы найти слабые места. Какой-то одной ниточки, за которую надо потянуть, мы не найдём, – надо будет растаскивать этот клубок за много разных ниточек.

Понятно, что среди нас много есть товарищей, излишне возбуждённых политическими страстями, нельзя их подзуживать и подкалывать, у нас у всех глаза чем-то застит. Нам придётся думать, разговаривать, а потом и действовать среди плевков, воплей и стонов. Надо придумать какую-то психологическую защиту – “другого населения у нас нет”.

Гипотеза, в которой хотелось бы ошибиться

Сентябрь, 22, 2012

К ней меня подтолкнули комментарии, в которых практически все игнорировали сам вопрос: есть ли у реформаторов шанс устроить приемлемый образ жизни одной половине населения, превратив другую половину населения в деградирующее и угасающее “нацменьшинство” вроде аборигенов Австралии? Ведь если такой шанс есть, то, имея в руках власть, собственность, школу и СМИ, это “креативное господствующее меньшинство” сможет достаточно долго доминировать над всей массой населения нашей страны. Мало кто устоит перед соблазном поймать этот шанс, а идеалы без религиозных догм оказались беззащитными перед современными информационными технологиями.

Во всяком случае, хороших средств защитить идеалы солидарности против соблазнов самими же идеалами мы не знаем – им нужна внешняя поддержка. Вилли Брандт признал, что социал-демократия таких средств не нашла: немцы уже в 70-е годы отошли от своей былой культуры солидарности.

Поэтому никакие отраслевые забастовки не могут победить – система имеет ресурсы, чтобы выдержать убытки. Мы провалились с “реальным социализмом”. Кубу ждёт смена поколений лидеров, и прогноз её политического развития неопределённый. Китай ещё опирается на ресурс крестьянского коммунизма и коллективную память.

Я был на большой конференции обществоведов, большинство из них принадлежали к советскому поколению, а молодые симпатизировали СССР. Все доклады строились вокруг наших вопросов: как бы “восстановить атмосферу достойной жизни”. В целом – детский лепет, рассуждения о том, что “надо бы то да надо бы это...”. Всё это – взгляд поверх реальности.

Если этот культурный сдвиг, который вошёл в кооперативное взаимодействие очень разных культур, продлится долго (в этом и состоит гипотеза), то надо разрабатывать долгосрочную программу, прогнозируя состояние сознания хотя бы на два поколения вперёд. Для этого надо организоваться как общество, вроде тайных обществ Китая, которые и вырабатывали философию революции начала XX века. Как выражался Сунь Ятсен, только эти общества отверженных “сохранили сокровище национализма”, которое отбросила китайская интеллигенция.

Если же есть надежда на скорые политические изменения, надо вести срочную разработку курса, логики, художественных средств. Вот почему хотелось бы взвесить шансы попасть в тот или иной коридор. А пока мы вынуждены действовать поодиночке – кто что умеет.

Критическая гипотеза

Декабрь, 11, 2012

Многие в этом ЖЖ стараются себя убедить в том, что впереди перед нами маячит неразрешимый ценностный конфликт вовсе не с “олигархами и коррупционерами”, а внутри той общности, которую мы считаем своей. Это я пытался и так, и эдак сформулировать в гипотезах, которые лучше бы оказались ошибочными. Попробую в другой форме.

Во всех книжках об СССР я предлагал считать, что хозяйство СССР было устроено по типу “семьи”, альтернативному типу “рынка”. Достоинство хозяйства семьи в том, что в производство благ вовлекаются ресурсы “низкой интенсивности”, даже “бросовые”. Это давало очень большую прибавку продукта. Можно сказать, сама Россия встала на ноги с такими ресурсами (читайте Милова о русском пахаре). Но вести такое хозяйство можно только при довольно высоком уровне солидарности и уравниловки. Поэтому пахари держались за общину, а советский народ – за трудовые коллективы и патерналистское государство.

В 70–80-е годы продвинутая энергичная часть общества всё громче стала требовать: “Каждому по труду”, – а кончилось это криком: “Больше социализма! Больше справедливости!” Уравнильность превратили в пугало, которым пугают детей.

Мы, не желая признать нечто страшное, объясняем апатию общества при ликвидации СССР обманом, изменой и пр. А может быть, люди почувствовали, что им даётся шанс? Риск, конечно, но приемлемый.

Кто производит больше продукта высокого качества? Тот, кто получает для своей работы ресурсы с высоким кпд. Небольшие подтасовки в экономической теории и в идеологии – и примерно половина честных трудящихся начинает ратовать за “оплату по труду”. А если победа в конкуренции (пусть даже пока на мировом рынке) становится делом чести, доблести и геройства, то система сдвигается к концентрации лучших ресурсов в части хозяйства, и их “разбавление” ресурсами низкой интенсивности затрудняется или вообще подавляется.

Соответственно, из экономики (и почти сразу из общества) выдавливаются та часть населения, которая и использовала в народном хозяйстве ресурсы низкой интенсивности. Так и произошло уже в самом начале реформы.

Забросили половину пашни Нечерноземья. Перестали косить траву на сено. Свернули оленеводство на Севере, которым жили малые народы. Ликвидировали речной флот и производство простых лекарств, охранниками стали не старушки, а красавцы-парни, перестали ремонтировать старые дома

и инженерные сети – речь идёт лишь о “новом жилье улучшенной планировки”.

Примерно половину населения отодвинули от “модерна и постмодерна”. И это расслоение гораздо более фундаментально, чем расслоение между работающей и миллионером. Потому что нефтяник, получающий 40 тыс. руб., считает, что он получает “по труду”, как и крестьянин, получающий 6 тыс. Семья распалась, и масштабы производства неизбежно сократились. Пенки с нефти и газа надолго не хватит.

Но половину населения, прежде занятую в производстве, которое свернули, пока что подкармливают за счёт “передовых тружеников”, отбирая у них часть их выгодного продукта. Эту подкормку постепенно будут сокращать.

Ну, и какова перспектива? Каковы будут установки “передовых тружеников”? Ведь теперь понятия хозяйства-семьи, общинности и пр. уже стали абстракцией для обеих частей населения страны. Уже будет очень трудно показать, что целостное народное хозяйство намного выгоднее, чем собирание пенек. Я думаю, экономически это можно показать, но никто из наших патристических экономистов этого делать не желает – они бредят высокотехнологичными укладами, а не распахкой тощих почв.

Таким образом, эта гипотеза более пессимистична, чем предыдущая. Там ставился только вопрос: сможет ли меньшинство организовать себе комфортную жизнь в России, вогнав в архаизацию и вымирание большинство? От ответов, в общем-то, все уклонились.

А теперь речь идёт уже не о меньшинстве, а о половине всего населения страны.